

Игорь
КВАША:

«В Сталине все —

— Игорь Владимирович, правду говорят, что в «Московской саге» роль Сталина предназначалась вам?

— Ничего подобного. Это журналисты написали...

— ... что должен был играть Кваша, но пришел банкир и роль перекупил.

— Я хотел по поводу этих публикаций даже скандал устроить. Мне действительно предлагали. Но я прочитал сценарий, позвонил Барщевскому и сказал, что Сталин у них совершенно декоративная фигура, там нечего играть, и я этим заниматься не буду. На что он ответил: да, наверное, вы правы, может, мы совсем без него обойдемся.

— Трудно такое представить.

— Трудно, да. Вот они его и оставили.

— В спектакле вам делают какой-нибудь грим, кроме усов?

— Да. У него был лоб гораздо ниже, поэтому накладка нужна. Это очень меняет лицо. Не парик, а небольшая накладка.

— Когда вы впервые поняли, что похожи на Сталина?

— В ранней молодости. Вообще, вы знаете, он меня всегда интересовал.

— Почему?

— По-моему, это нормально — живя в этой стране, интересоваться фигурой Сталина. Когда он умер, я плакал...

— Вам сколько лет тогда было?

— В пятьдесят третьем?... Двадцать.

У меня был друг, Саша Косолапов, и когда мы рядом стояли на траурном митинге в Школе-студии МХАТ, он приплясывал от радости, подхихикивал и говорил про Сталина чудовищные вещи. «Сдох усатый...», что-то в этом роде. И почему-то меня это не возмутило. Потом мы уже из хулиганства пробирались в Колонный зал. По крышам. Это было не очень трудно, все-таки Школа там поблизости. Но когда мы впервые встали на землю — до входа оставалось метров триста-четыре, можно было поднять ноги и висеть, такая была давка. Какую-то женщину прижали к витрине, заколоченной досками, был страшный крик. На счастье, ее удалось вытолкнуть, и ее «скорая» увезла. А еще я всех пристраивал в эту очередь, потому что на грузовиках, которые перегораживали проезд Художественного театра, стоял мой бывший одноклассник. Я подводил «своих», в том числе Вениамина Захаровича Радомысленского, солдаты поднимали их на грузовик и с другой стороны в очередь опускали...

Я не помню, когда это произошло и как, но я очень быстро начал все понимать и к нему относиться уже совершенно по-другому. Но показывал я его с самых молодых лет.

— То есть еще при жизни?

— Нет, позже, конечно.

Когда меня взяли в Художественный театр, там в это время ставились «Кремлевские куранты». Спектакль был почти на выпуске, режиссировали его Марков Павел Александрович с Марией Осиповной Кнебель. Кстати, именно благодаря Маркову я попал во МХАТ. Меня не хотели брать по причине пятого пункта... Марков сразу дал мне эпизод в первой сцене «Кремлевских курантов», беспризорника. Но потом вызвал меня к себе в кабинет и сказал, что они очень недовольны исполнителем роли Сталина и хотят попробовать меня. «Приготовьте что-нибудь, мы вас вызовем на репетицию. Вы будете играть». Через день я прихожу в театр, а репетиция из расписания вычеркнута. На следующий день — репетиция вычеркнута. На третий или четвертый день Марков меня опять вызывает и говорит: «Ты понимаешь, дорогой мой, тут так получилось, приехал человек из ЦК и сказал,

Анатолий МОСКОВКИН

что у Погодина историческая неправда. Когда принимали план ГОЭЛРО, Сталина не было в Москве, он был в Царицыне». Роль Сталина из пьесы вычеркнули, ввели Кржижановского. Это было перед самым двадцатым съездом, и одно с другим, конечно, было связано.

Так я Сталина не сыграл. Но когда мне только дали эту роль, Ефремов сказал: «Слушай, лапа, я тебе помогу...». Мы довольно крупно с ним поддали, сидели, слушали пластинки с речами Сталина и при этом жутко хохотали.

— Над чем именно?

— Во-первых, акцент нас поразил. Мы ведь уже прикидывали, как его играть, и с юмором об этом говорили. Во-вторых, там, по-моему, три полные пластинки до речи и три пластинки после речи

— это были овации. Естественно, все прослушать невозможно, мы слушали кусками — выкрики дикие, истерические...

— А как у вас в семье к Сталину относились?

— У меня папа погиб на фронте, а мама была педагогом и, естественно, разговоров на эту тему со мной не вела. Только в самые острые моменты, когда было дело врачей-убийц...

— Никого из ваших родственников репрессии не коснулись?

— Нет. Но, как я потом выяснил, мой папа очень плохо относился к советской власти. Хотя на фронт пошел добровольцем.

Правду о Сталине я узнавал от окружения, из самиздата, из литературы, которую привозили из-за границы. Ко-

гда Радомысленский запер меня в своем кабинете и дал прочитать доклад Хрущева — он же был засекречен, только для членов партии, а я не был членом партии, — хорошо помню, что доклад этот меня не поразил. Потрясения не было. Я уже все понимал и относился к Сталину соответственно.

Не знаю, почему у меня возник такой интерес к нему, но я всю жизнь собирал рассказы очевидцев. Как только я узнавал, что человек встречался со Сталиным, я старался из него что-нибудь вытянуть. Правда, идиот, не записывал. Мне казалось, что я и так все помню. А я помню процентов тридцать, остальное, конечно, забыл.

— Что это были за люди?

— Очень разные. От адмирала Го-

ловко до Константина Симонова, который, единственный, ничего не рассказывал. «Я не знаю, Игорь, то ли поздно 'асказывать, то ли 'ано...».

— Эти рассказы когда-нибудь противоречили друг другу?

— Нет, не противоречили. Чудовищный образ из них вырисовывался. Более того, мне посчастливилось быть знакомым с Сергеем Ивановичем Кавтарадзе. Мы одно лето даже отдыхали вместе. Я по глупости, конечно, больше гулял, чем с ним разговаривал, но все-таки иногда под вечер я к нему закатывался, мы сидели, пили легкое вино, и он рассказывал. Он ведь знал Сталина с 1902 года. С перерывом в тринадцать лет, которые Кавтарадзе отсидел. Но потом Сталин опять к нему очень благоволил, приглашал на все приемы, года до 51-го. Последний был прием, когда Иосиф Виссарионович сказал: «Я знаю, вы все хотели меня убить...».

Была поздняя весна, расцветал сад, и Сталин сказал: «Пойдем погуляем...». Они гуляли, Сталин напевал грузинскую песню. Кавтарадзе говорил мне, что у него был замечательный слух, и музыкальный, и физический. Он слышал, что говорили шепотом в другом углу. И вот, значит, он пел, время от времени останавливаясь и перечисляя своих убитых друзей: «Бедный Ладо... Бедный Серго...». А потом неожиданно сказал: «Я знаю, вы все меня хотели убить». Я спрашиваю: «Сергей Иванович, а вы ему что?» — «Игорь, ну что? Я говорю: Коба, ты что, с ума сошел?! Он остановился, сказал: я знаю, я все знаю. Повернулся и ушел...». Больше он никогда никуда Кавтарадзе не звал.

Я его как-то спросил: «Вся жизнь Сталина прошла на ваших глазах. За это время, за пятьдесят лет, с ним, наверное, огромные изменения произошли?». На что он ответил: «Да что вы, Игорь, никаких изменений. Он всегда был такой. Он всегда был коварным, всегда шел по трупам. Но после войны у него все гипертрофировалось, потому что началась паранойя и мания преследования».

— Насколько я знаю, это не доказано.

— Но я передаю то, что говорил Сергей Иванович.

Мне доводилось слышать рассказы, где фигурировал сталинский юмор, но у него ведь и юмор был страшный. Всегда сопряженный с обмороком тех, над кем он шутил.

— Пристальный интерес к человеку — это попытка его понять. А понять, говорят, равняется простить...

— Ни в коем случае. Объяснение — да, оправдание — нет. Наоборот, когда говорят про какую-то якобы положительную его черту, я понимаю, что такое обманчивое поведение либо продиктовано было прагматическими соображениями, или составляло часть какой-то интриги.

Мне кажется, может быть, ошибочно, что я его хорошо знаю. Я все время разгадываю его ходы, а это очень интересно. Разве не интересно понять психологию Гитлера? Но это не значит, что мы его оправдываем.

Я ведь не сразу Сталина заклеил для себя однозначно. Я пытался разобраться. Но, разобравшись, понял, что ничего тут нет. В нем все от дьявола. Есть люди от Бога, а есть от дьявола. Можно найти в дьяволе положительные черты?

— Смотря, что вы подразумеваете под этим словом. Если нам его преподносят в виде Воланда, там сплошные положительные черты.

— Ну да, у Булгакова определенный ракурс, что есть зло и что есть добро.

— И не он этот ракурс избрал. «Я часть тей силы, что вечно хочет зла и вечно совершает бла-

от дьявола»

го...». Тем не менее, можно сказать, что вы под дьявольское обаяние Сталина не попали? На вас оно не действует?

— Не действует. Хотя я понимаю, что обаяние было. Я ведь и с родственниками его говорил. С Сашей Аллилуевым, например. Это сын Павла, то есть племянник Сталина. Я даже присутствовал на свадьбе, когда Наташа Кузьмина, дочка Ромма, выходила замуж за Сашку Аллилуева, и там были все оставшиеся в живых родственники. Когда выпили, разбродились, Сашка собрал родственников в углу, позвал меня и говорит: «Покажи, покажи им Сталина». Я показал, они замахали руками: «Ой, как похож!..».

Я знал и Светлану Сталину, но с ней об отце не разговаривал. А с Сашкой разговаривал. Сталин его любил, маленького, потому что у него очень смешная рожа была... После смерти жены все Аллилуевы жили на даче в Зубалове. На первом этаже. На второй этаж нельзя было заходить, потому что там он работал. Сашке было лет пять, и, когда охранник его не пускал, он начинал орать. Сталин выходил и говорил: «Пустите ребенка...». Его пускали, он ползал по столу, по нему, пока тот не доставал заранее приготовленную шо-

— Сколько внучке лет?
— Тринадцать.
— И она не пожалела вашего героя даже в исполнении родного дедушки?
— Нет.

Вы правильно говорите — это спектакль о свободе выбора, но эмоциональный результат должен быть другой. Он выбрал свой путь сознательно, а перед смертью испугался. Он же все понимал. Я думаю, Сталин — самый страшный злодей в истории человечества. Хуже, чем Гитлер, гораздо. Их даже сравнивать нельзя.

— Почему?
— Гитлер никогда не уничтожал своих.
— Вы полагаете, уничтожить чужих лучше?

— Я не говорю вам, что Гитлер хороший. Я говорю, что у него была теория о превосходстве арийской расы. А у этого вообще никакой теории не было, он убивал просто так — чтобы власть удержать. Им двигала чистая прагматика, а не идейные соображения. Когда говорят: Петр Первый тоже строил государство на костях, — ничего подобного. Петр не уничтожал равных себе. Для него крепостной, то есть раб, — это не человек, а некая хозяйственная при-

станка постукивал о зубы, и это было слышно... Мне кажется, Гитлер был для Сталина очень близким человеком. Поэтому он не верил ни одному донесению разведки о близкой войне. Они договорились. Они делят мир.

— Выходит, наш-то наивный...
— ПАЧЭму наивный? Он нэ наивный. Он просто думал, мы вдвоем все поделим... Поверил родственной душе.

— Этот поверил, а тот обманул.

— У того просто уже был план. А этот Адын раз в жизни кому-то поверил... Я думаю, страх родился именно из трагичности ситуации. Он, гений, хитрее всех, умнее всех в мире, сам все просрал. Это его выбило из всей привычной колеи, из всей жизни.

Насколько я знаю, — это мне тоже кто-то рассказывал, почему Ленин называл его «этот повар»? Когда не советовал выбирать Сталина генсеком: «Этот повар будет готовить только острые блюда». Потому что, когда в Смольном решались особо острые вопросы и Коба не понимал, на чью сторону встать, он смывался на кухню и там сидел. Пока один кто-то, про это знавший, не прибежал за ним: «Все, Коба, пошли...». Он всегда присоединялся к победителям.

Я не думаю, что Сталин был умный. Он пользовался чужими идеями — Троцкого, Бухарина, выдавая их за свои. А, во-вторых, он правил на сплошных ошибках. Я не вижу ничего положительного в том, что он сделал. Говорят: он построил такую мощную страну. Но если взять статистику до 1914 года, Россия целое десятилетие развивалась, как ни одна страна в мире. Никто не мог понять, откуда такой темп. Если бы эта банда не захватила власть, мы бы, возможно, жили в процветающей стране...

Говорят: вот, индустриализация. А стоила ли она таких жертв колоссальных?

А война? Ведь из-за него же погибли миллионы, только из-за него. Он не верил в возможность войны, он уничтожил весь командный состав, и лейтенанты желторотые командовали

Константин КУКСО «НИ»

ски, а эмоционально — нет. В актерской работе вообще существует странный дуализм. Когда ты на сцене плачешь, трагически плачешь, то ты в это же время получаешь удовольствие — от того, что у тебя искренне получается.

— Какого результата вы ждали от «Черной ласточки»? С какими чувствами, по-вашему, должен уходить зритель?

— Мне хотелось, чтобы он проникся ненавистью к этому явлению. К явлению, не к человеку.

Почему, на мой взгляд, Достоевский проигрывает Шекспиру? Он берет мелкую личность. Например, Раскольникова. В чем пафос «Преступления и наказания»? В том, примитивно говоря, что нельзя преступать. Отмститесь. Но Раскольников не и должен это выдерживать. Он неврастеник, он мелкий, он хочет стать Наполеоном, но он не Наполеон и никогда им не станет. А Шекспир берет Макбета. Какой — крупная личность, который убивал в бою и не считал это грехом, в бою убивать. Но он преступил и тоже сломался. То же рухнул. Но насколько же это непоставимые сюжеты!.. Вот и мне хотелось показать чудовище, которое столько лет сознательно творило злодеяния, и перед смертью, на мгновение, испугалось. Но — поздно.

— Как вы думаете, почему в последнее время так ожил интерес к фигуре Сталина?

— Одно из самых любимых мною библейских выражений: отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина. Мы все равно никуда от него не ушли. Рабское сознание, которое долгие годы специально насаждалось, оно даже в вашем поколении наверняка есть. А в последнее время прямо в воз-

духе витает жажда реабилитации. То ли пятьдесят два, то ли пятьдесят четыре процента, по итогам опроса общественного мнения, сказали, что Сталин — это хорошо.

— Как вы относитесь к идее поставить в Ялте памятник Черчиллю, Сталину, Рузвельту?

— Ужасно отношусь. Меня это приводит в ярость.

— Значит, о переименовании Волгограда обратно в Сталинград можно и не заикаться...

— Нет, конечно. Не надо сегодня возобновлять память о Сталине.

— А зачем вышел ваш спектакль?

— Он вышел с другой целью.

— Но все равно возобновляется в людях память.

— Чтобы предупредить их. Предостеречь. Чтобы они не о Сталине думали, а о том, как страшно, как стыдно быть рабами.

Я веду передачу «Жди меня», и мне кажется, что важнее самого поиска людей, — хотя я понимаю, что для тех, кто к нам пришел, именно это судьбоносно, — но для меня еще важнее, когда говорят: «Ой, я не могу это смотреть, я плачу...». Люди плачут над ЧУЖИМ горем и над ЧУЖОЙ радостью. Эта способность выстраивалась из нас семьдесят лет — сочувствие к другому человеку.

— Вот почему я и говорю, что жалеть кого угодно, даже Сталина, — не опасно. По вектору жалости никогда не ведет к сталинизму. Это другое направление. А ненависть, пусть и праведная, ведет. Может привести.

— Я как-то об этом не думал... В такой плоскости...

— Что касается тех, кто рыдает у телевизора, может, это просто сентиментальный рефлекс? Сама ситуация давит на слезные железы.

— Нет, я все-таки надеюсь, что это сочувствие настоящее, искреннее. Правда, я сейчас от этой передачи отказываюсь...

— Почему?

— Тяжело, Лен. Я не умею отстраняться. Я каждую историю проживаю изнутри.

Но все равно, мне не только боль, мне и много радости там выпало. Почему нам так охотно помогают? Мы бы сами никогда столько народу не нашли. Шестисот интернетчиков в этом участвуют, милиция сразу подключается, хотя в других ситуациях она бывает чудовищной, местные радиостанции подхватывают. Сколько звонков идет! Причем тысячи ложных — кому-то кажется, что он именно этого мальчика видел у метро «Тимирязевская», а это был другой... Люди стремятся помочь друг другу.

— Значит, уходит рабское сознание? Выдавливает из себя рабов?

— Конечно. Только очень медленно.

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ

Я думаю, Сталин — самый страшный злодей в истории человечества. Хуже, чем Гитлер, гораздо. Их даже сравнивать нельзя

коладку, отдавал и говорил: «Ну, теперь иди. Иди, Сашка, иди...». На заседаниях Политбюро, когда Сашка заходил, сразу начинался смех, его передавали по рукам...

Тем не менее всех взрослых посадили, а Сашка с братом остались в Доме на набережной, и им было не на что жить, потому что Сашка учился в школе, а брат в институте. Их выручала Светлана, она из кремлевской столовой в судках носила им еду...

— При каких обстоятельствах вы познакомились со Светланой?

— Она очень дружила с родителями моей жены. Из-за Каплера. Я думаю, это был единственный человек, которого она по-настоящему любила. А мама моей жены знала Каплера еще в юности, в Киеве.

— Вот объясните: вы к Сталину относитесь сугубо негативно, а при этом на сцене у вас получился человек, вызывающий сочувствие...

— Если это так, я просто перестану играть.

— Боже упаси, вы что?!

— Я серьезно говорю. Я этого очень боялся. Но меня успокоили Войнович, Карякин, Горбачев, разные люди, которые сказали примерно одно и то же: у тебя получился монстр, жуткий тип...

— А мне его было жалко. Это Сталин, который предпринял запоздалую попытку освободиться от Сталина, — мне так показалось...

— Такого эффекта я действительно хотел — исходя из пьесы. Это же его предсмертный сон. Или бред. Он вроде как в коме находится. Его попытки вырваться связаны с этим. Перед смертью любому человеку страшно. Но — рад бы в рай, да грехи не пускают. Все равно монстр, все равно чудовище.

— Кто-нибудь назвал этот спектакль про сталинизм?

— Нет. Наоборот. Конечно, люди, которые в силу возраста хорошо знают, о ком идет речь, — их он не обманет. Мне было важно, что скажет моя внучка.

— И что сказала внучка?

— Она точно не формулировала, но вроде сказала, что страшный получился.

надлежность. Поломалась, выбросил, взял новую. Там был другой уровень сознания. Сталин уничтожал людей. Он знал, что они — люди. Тем более он учился в семинарии.

— У вас очень интересное представление о грехе... Вы думаете, уровень сознания засчитывается?

— Конечно. Это самое главное — что у тебя в башке. Петр не занимался сознательно массовыми убийствами. А Сталин занимался. Конечно, каждый человек пытается себя оправдать. Наверное, и он искал оправдание. Искал и находил.

— В чем же он мог его найти?

— В необходимости таких жертв.

— Но в семинарии учили, что для убийства нет и не может быть необходимости.

— Я не думаю, что Сталин был верующим человеком. Может быть, только перед смертью он впервые об этом задумался. Человек, который верит в Бо-

Всю историю этой власти уничтожались самые талантливые, самые умные. Если человек мыслящий, значит, он начинает думать о том, что происходит вокруг, а этого не надо. Пробивается сквозь асфальт росточек, под корень его. Асфальт должен быть ровным

га, никогда не смог бы всего этого совершить. Кроме того, у Сталина была мания величия: я важнее Бога. Не он один, многие до него так думали.

— Ну, конечно. Все тираны и деспоты мировой истории — в душе обязательно богоборцы.

— Когда мне говорят, что во время войны Сталин начал возрождать православие, возвращать священников из ссылки, восстанавливать храмы, я думаю, что это был опять же прагматический ход. Он ведь ужасно испугался, когда война началась. Сказал: «Ленин нам оставил страну, а мы ее просрали». Сидел на даче, его долго не могли заставить выступить, а когда он говорил свою знаменитую речь: «Братья и сестры...»,

полками. Сколько людей погибло по его вине, и каких людей... Всю историю этой власти уничтожались самые талантливые, самые умные. Если человек мыслящий, значит, он начинает думать о том, что происходит вокруг, а этого не надо. Пробивается сквозь асфальт росточек, под корень его. Асфальт должен быть ровным.

Если сохранилось что-то хорошее, то вопреки этой власти, а не благодаря ей.

— Вам трудно три часа быть Сталиным, находиться внутри Сталина? Вас это мучает?

— Мне кажется, я его настолько знаю, что мне легко туда войти. Я могу импровизировать. Это роль, тяжелая физиче-